

СЕРИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ВЫП. 66

СОВРЕМЕННОСТЬ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В. ТЕНДРЯКОВА 1958—1962 ГОДОВ

Р. С. Шамурзина

В наши дни успешно осуществляются самые дерзновенные мечты человечества, стало реальностью построение коммунизма. Но коммунизм — не только высокий жизненный уровень, а и неограниченные возможности духовного развития. Человек будущего, преисполненный творческого горения, соразмеряющий себя с невиданными успехами и подвигами народа, уже виден в сегодняшнем советском гражданине.

Однако изменения в сознании, в психологии происходят медленнее, чем в материально-производственной базе нашего общества. Долг наш говорить не только о том, что движет вперед, но и о том, что мешает нам, что сковывает волю и ум человека. «Партия рассматривает борьбу с проявлениями буржуазной идеологии и морали, с остатками частнособственнической психологии, суеверий и предрассудков как составную часть работы по коммунистическому воспитанию».¹ Советская литература очень часто поднимает вопросы злободневные, говорит о недостатках и пережитках старого в сознании советских людей. В этом отношении творчество Владимира Тендрякова является одним из самых целенаправленных. Почти каждое его произведение — удар по отживающему, старому.

Задача данной статьи — определить творческое своеобразие Тендрякова в его произведениях о современности 1958—1962 гг.

Во всех произведениях Тендряков верен своему принципу доведения конфликта до конца, до острых столкновений старого и нового, определенно и четко освещая свое отношение к событиям, к героям. И всегда в центре внимания писателя внутренний мир людей, самых различных по своим индивидуальным качествам.

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза. Госполитиздат, 1961, стр. 121.

В майском номере журнала «Знамя» за 1958 г. была напечатана повесть В. Тендрякова «Чудотворная». Автор поднял вопрос о религиозных предрассудках, который оказался в известной степени забытым художественной литературой, поставил проблему, еще не до конца решенную жизнью.

События в повести разворачиваются стремительно, в течение пяти дней. Героем Тендряков выбрал двенадцатилетнего школьника Родьку Гуляева, очевидно потому, что в этом переломном возрасте очень остро воспринимаются все противоречия жизни. Особенности характера героя обусловили драматическую остроту и напряженность событий.

Мы знакомимся с Родькой в тот день, когда он нашел ящик с «чудотворной» иконой. «Новоявленная» икона собрала вокруг себя верующих, которые дружно определили мальчугана в «избранныки божии». Бабка заставила надеть крест. На этом и кончилась беспечная мальчишеская жизнь. В ясный радужный мир ворвалось непонятное, трудное.

В душе Родьки зарождаются смутные сомнения. Если раньше бог для него «был связан с бабкиной воркотней, со слезами матери, с чем-то скучным, неинтересным, не дававшим пищи для размышления»,² то теперь он серьезно задумывается над тем, существует бог или нет.

Родька — обыкновенный деревенский мальчик, хотя и выделяется среди своих друзей решительностью и отвагой. Он может первым прыгнуть в еще холодную воду, лучше всех плавает, смелее всех ведет себя в ночном походе. Родька любознателен. Сердце его распахнуто для всего, что может заинтересовать деревенского мальчишку: от головастиков до Павла Корчагина и морской службы. Для него характерны впечатлительность и поэтическое восприятие природы. В повести все краски весенней земли даны через восприятие Родьки. Это он увидел солнце в «зеленой луже посреди дороги», он услышал, как «воробьи с каким-то особенным весенним журчанием брызнули из-под ног», ему петух на огороде кажется куском горячего солнышка. Глубоко и прочно живут в нем основы советского миропонимания. Стремление проверить слух о «пилении» в церкви говорит о задатках здорового, осмысленного отношения к жизни. Он был потрясен услышанным им самим «пилением», но, получив от учительницы объяснение, уже не сомневался в том, что все рассказы о боге — выдумки.

В 1932 г. Эдуард Багрицкий написал поэму «Смерть пионерки» о маленькой девочке, отказавшейся надеть крестик, о пионерке, оставшейся верной красному галстуку. Крестик и галстук символизируют два мира, непримиримых между собой.

² В. Тендряков. Чудотворная. «Знамя», 1958, № 5, стр. 30.

Ценность повести Тендрякова заключается в том, что автор раскрыл внутренний мир маленького безбожника. Способность Родьки к сопротивлению, его (пусть во многом неумелые) упорные поиски истины убеждают в прочности и жизненной силе усвоенных им основ советского мироощущения.

Автор не ограничивается изображением внутренних переживаний мальчика, он показывает, как в борьбе за человека сталкиваются различные силы.

В начале повести конфликт развивается внутри семьи. Родька один выступает против бабки и матери, но затем конфликт из семейного перерастает в общественный. В борьбу за Родьку вступает самый близкий ему после родителей человек — учительница Парасковья Петровна.

Парасковья Петровна тридцать лет отдала учительству. В Гумнищах она свой человек в каждом доме. Родителям и детям она первой открывает дверь в мир знаний — это и делает ее уважаемой в колхозном селе. Нелегко сложилась ее собственная жизнь: муж, тоже учитель, еще до войны умер, и с тех пор жизнь учеников стала ее личной жизнью, которую она измеряет школьными событиями. Учительница принимает деятельное участие в судьбе Родьки. Ее беспокоит не только Родька, но и родничок со «святой водой», комсомолка Фрося Костылева, венчавшаяся в церкви, и т. д.

Парасковья Петровна — коммунистка, отсюда ее воинствующий атеизм. Она предъявляет претензии одному из секретарей райкома. И хоть есть правда в словах Кучина о том, что лобовой атакой религию не сломишь, а нужно «подкапывать корни» (повышением благосостояния изгнать страх за будущее, заставить верить в силу человеческого разума и рук), но Парасковья Петровна тысячу раз права, требуя за хозяйственными заботами не забывать о постоянной, ежедневной пропаганде атеизма словом.

Читатель верит в достоверность образа учительницы, который по словам критика А. Дремова, «физически ощутим». ³ Чуть сутулая, мужской тяжелой поступью она подходит к Родьке, впервые почувствовавшему себя несчастным. Кажется, и вам на плечо легла тяжеловатая, но мягкая рука сильного и доброго человека. Ее глазами мы смотрим на отца Дмитрия, на Варвару. Дав отца Дмитрия через восприятие учительницы, Тендряков помогает увидеть за его благообразной внешностью страшного и умного врага, который на словах за Советскую власть, за социалистическую законность, за мир и прогресс и хочет только, чтобы люди не забывали о боге, росли покорными и пассивными. Его идеология враждебна нашей, воспитывающей в человеке творческое, активное отношение к жизни. Отец Дмитрий утверждает безвредность религии, но вся исто-

³ Ан. Дремов. Безбожник пионер Родька. «Нева», 1958, № 10, стр. 213.

рия Родьки и его родных раскрывает ее антигуманистическую сущность.

Борьба Парасковьи Петровны за Родьку — это начало активной борьбы с религиозными предрассудками. Ей приходит на помощь Кучин, обещая поднять на ноги комсомольские организации, районную газету. Исход этой борьбы остается за пределами повести, так как это не временное мероприятие, а длительный процесс перевоспитания.

Повесть очень динамична в силу острой конфликтности. Говоря словами Л. Н. Толстого, Тендряков сумел поставить своих героев «в такое положение, завязать такой узел, при распутывании которого»⁴ они проявили полностью: Грачиха — свой фанатизм, Парасковья Петровна — активность и принципиальность, Родька — непримиримость к насилию, Варвара — материнскую любовь. Столкновения характеров, развитие действия в повести подчинены идее непримиримости нашей социалистической идеологии с религиозными верованиями, что и делает повесть цельной и боевой.

После Ярослава Галана Тендряков впервые так остро поставил вопрос об античеловеческой сущности религии, о ее враждебности нашему обществу. Насколько это было своевременным, можно судить по появившимся позднее повестям Н. Асанова «Взятие Громовиц», Н. Евдокимова «Грешница» и др., по фильмам «Тучи над Борском», «Люблю тебя, жизнь», «Обманутые».

В 1959 г. в журнале «Молодая гвардия» был напечатан роман В. Тендрякова «За бегущим днем»,⁵ в котором писатель обратился к новой для себя и актуальной для всей страны теме перестройки школы.

Роман появился в самый горячий период реорганизации системы народного образования и был воспринят частью учителей как рецепт, избавляющий школу от всех «недугов». А так как произведение Тендрякова вовсе не является непогрешимой методической инструкцией, то некоторые из учителей выступили против романа, обвиняя автора в незнании жизни школы (И. Окомова, Б. Филомафитский, К. Ковалевский и др.). На страницах «Учительской газеты» развернулась дискуссия, участники которой разделились на два лагеря. Одни увидели в романе карикатуру на советских учителей, другие нашли в нем подтверждение своим мыслям, страстный протест против застоя.

Роман не прошел незамеченным, и это уже говорит о том, что В. Тендряков начал нужный и интересный разговор. «За бегущим днем» своими раздумьями об ответственности рядового советского человека перед историей перекликается с поэмами А. Твардовского «За далью — даль», В. Федорова

⁴ Цит. по кн.: Русские писатели в литературе, т. 2. Л., 1939, стр. 155.

⁵ В. Тендряков. За бегущим днем. «Молодая гвардия», 1959, № 10—12.

«Седьмое небо», с повестями В. Кожевникова «Знакомьтесь, Балувев», В. Аксенова «Коллеги».

Роман Тендрякова — это предельно искренняя исповедь человека о своих нравственных взлетах и падениях, рассказ о движении нашего современника к принятию большой Правды, о стремлении его «стать с веком наравне».

Андрей Бирюков, от имени которого ведется повествование, чувствует себя звеном в единой цепи поколений, создающих прекрасное будущее, свою связь с прошлым и ответственность перед будущим. Поэтому Тендряков сделал своим героем учителя, ибо «никто не замечает так ошутимо смену поколений, никто не чувствует с такой остротой непреклонное движение времени, как учитель».⁶ Бирюков постоянно помнит о будущем. Для него «будущее — это воздух жизни, движение жизни».

Бирюков стал учителем случайно и несомненно не является идеалом советского педагога. Рассказывает о себе человек уже созревший, прошедший немалую жизненную школу, многое осмысливший, умеющий видеть и свои, и чужие слабости и недостатки. Совсем юным он участвовал в Великой Отечественной войне, после ранения стал преподавателем физкультуры, но такое занятие, по его мнению, «не могло стать смыслом всей жизни». Андрей ищет ответ на вопрос «кем быть?». Приняв свою способность тонко чувствовать и остро воспринимать красоту природы за художественное дарование, он подает заявление на художественный факультет ГИКа. Андрей честен и беспощаден к себе: он признает превосходство Эммы Барышевой, паренька-татарина и, поняв, что у него нет таланта, уходит из института, чтобы снова искать свое место в жизни. После встречи с Хрустовым Андрей поступил в пединститут. О годах учения и о первых годах работы сказано скупое, без увлечения и интереса. При мысли о работе сельским учителем Бирюков не испытывает ни волнения, ни радости. Эта утрата мечты и увлеченности передана в романе почти символической деталью: однажды Бирюков в Густом Бору вышел на козий выпас, знакомая с детства картина потрясла его, и он бросился за этюдником, горя желанием запечатлеть пейзаж, но кисти засохли, а палитра покорибилась.

После института началась размеренная, однообразная до тошноты жизнь в Загарье.

Духовное пробуждение героя отнесится приблизительно к 1956 г. и является следствием «тех больших сдвигов в нашем общественном сознании, которые связаны с решениями XX съезда партии, со всем развитием нашей жизни этого вре-

⁶ В. Тендряков. Чрезвычайное происшествие. «Наука и религия», 1961, № 7, стр. 64.

мени». ⁷ Для Бирюкова эти сдвиги выразились в новом отношении к работе, к семье.

В один из дней то, что накапливалось на протяжении долгого времени, отчетливо и резко выразилось в раздумье Бирюкова о своей работе. «Страшно будущее учителя-поденщика. Воинствующая бездарь в искусстве, пожалуй, не принесет столько вреда». ⁸ Ничем не примечательный, слабый ответ Гали Субботиной вдруг раскрылся Бирюкову как результат его педагогического бессилия. И, может быть, впервые за эти годы герой ужаснулся тому, что Федя Кочкин, любознательный и неглупый, почти спит на его уроках. Почему?

«Для» ребят идея неотделима от личности», ⁹ — писала Н. К. Крупская, и какие бы прекрасные идеи ни преподносил учитель, они останутся для учеников пустым звуком, если учитель не вложил в эти мысли частицу своей души, своего сердца. Равнодушие они угадывают сразу и не прощают, а мстят тем же. Тендряков не показывает мгновенного перерождения Бирюкова. На это требуется время, но каждая одержанная героем победа над своим равнодушием, над безразличием учеников ведет его к творческому освоению профессии.

Новаторство Бирюкова — не в утверждении какого-то педагогического метода, а в творческом, спокойном отношении к делу. Первые скромные успехи еще не сделали его творцом, но последующие события: болезнь Ани Ващенко, знакомство с ее матерью — явились новым толчком в раздумьях героя о своей работе, о школьной системе вообще. Знакомство с женой секретаря райкома утвердило Андрея в правильности его поисков, помогло ему по-новому увидеть себя, школу, заставило задуматься, стать в какой-то степени душевнее, мягче.

Больше всего в Валентине Павловне поражает ее беспокойный характер. В школе ее приучили к мысли о ее исключительности, и поэтому она бежит от будничной работы стоматолога, нормировщицы, литсотрудника в газете. Она трезво судит и о себе, и о своей жизни и не смиряется с неудавшейся судьбой. Настоящая тоска звучит в ее словах: «Где-то есть то дело, к которому я способна!» Валя не может ни бездумно жить около мужа, ни служить равнодушно, без любви к делу.

Многое в рассуждениях Валентины Павловны о недостатках школы преувеличено, но в главном она права: люди обязаны жить с увлечением, и школа должна учить их этому. Увлеченность — неотъемлемая часть творческого, активного отношения к жизни. «Равнодушные, холодные люди не творят». А школа при такой загроуженности учеников отнимала у них не только

⁷ И. Виноградов. «За бегущим днем» (Заметки о романе В. Тендрякова). «Вопросы литературы», 1961, № 1, стр. 24.

⁸ В. Тендряков. За бегущим днем. М., «Молодая гвардия», 1960, стр. 91.

⁹ Н. К. Крупская. Об учителе. М., 1960, стр. 143.

время, но и отбивала живой интерес к учебе, к самой школе. Обаяние Ващенконой — в этом беспокойстве о людях, в действенной, активной любви к ним. Она верит, что равнодушие — самое страшное преступление. Петр Ващенко признает, что в его внимании к людям и к их нуждам есть большая заслуга Валентины.

В ней была драгоценная «способность зажигаться от порыва другого человека», и поэтому ей, а не Тоне рассказывал Бирюков о всех своих поисках, сомнениях, планах.

В решении сложных жизненных вопросов Валентина оказалась более мужественной, чем Андрей. Она решила один раз и бесповоротно. Уехать, отказаться от Андрея для нее означало отречься от самой себя, от трудной, но заполненной нужным делом жизни. По своему характеру она близка к Тине Карамыш. В ней много чисто женского обаяния — «в свободном, уверенном повороте головы, спокойном взгляде серых в синеву глаз», в светлых волосах, покорно скользящих между пальцами, в «решительной, несколько нервной походке, грудью вперед».

Правда, нельзя не согласиться, что некоторые ее признания в чувстве к Андрею звучат напыщенно и вычурно: «Как великому бы тебе служила, воистину беззаветно, без всякой к себе жалости»; «Не мной сказано, что в жизни бывают не только свои оазисы, но и свои пустыни. Так перейдем же вместе эту пустыню, не отталкивай меня, со мной тебе будет легче».¹⁰ Эта вычурность настораживает, в ней звучат фальшивые ноты. И все же она не уничтожает симпатий читателя к героине.

Рождение и «формирование» любви Андрея к Валентине Павловне идет параллельно с его борьбой за творчество в преподавании.

Раздумья о работе, пересмотр своих сил и своих жизненных позиций привели Андрея к переоценке окружающих его людей. Оказалось, что жена Тоня не понимает его, зато горячую поддержку он встретил у Горбылева, к которому многие годы относился недоброжелательно. С виду угрюмый и дерзкий, Василий Тихонович был одним из самых преданных педагогической работе учителей. На уроке перед Андреем вдруг раскрылась ищущая, творческая натура Горбылева, и неудивительно, что их потянуло друг к другу. Планы Василия Тихоновича гораздо шире бирюковских. Он считает, что ученики, которые будут пользоваться новейшими достижениями техники, должны не только знать формулы, но и обладать «сверхвысокими человеческими качествами». Горбылев заставил Андрея взглянуть на свой труд с высоты требований времени, понять необходимость борьбы против «благодушного бездумья», в котором пребывают Акиндины Акиндиновичи, подавляющие своим бесстрашием творческое начало в учениках. Василий Тихонович по-макаренковски

¹⁰ В. Тендряков. За бегущим днем, стр. 391.

понимает трудовое воспитание. Научить любить труд — значит научить любить «то, для чего этот труд нужен», дать им почувствовать себя частицей трудового коллектива. «Труд тогда становится коллективным, когда каждый участвует в его организации, вместе со всеми ломает голову, что и как сделать. Тут приобретаются не только навыки какого-то труда, а умение сообща действовать».¹¹

Горбылев — верный и принципиальный друг. Он смело заявляет директору о том, что считает отстранение Бирюкова от занятий произволом, откровенно, хотя и несколько грубовато, высказывает Андрею свое мнение о нем, и он же встает на защиту Бирюкова на партсобрании, когда разбирают заявление Тони.

Против поисков Бирюкова выступают завуч и директор школы.

Четверть века руководил Хрустов школой, которая стала лучшей в районе. Умелый руководитель, волевой и собранный человек, без сомнения незаурядный работник, он уверовал за эти многие годы почета и уважения в свою непогрешимость, в незыблемость своих правил. Ему не перечили, его со вниманием выслушивали и не решались с ним спорить. Создавая учителям хорошие бытовые условия, он требовал беспрекословного подчинения. Заботливость его — скорее тщеславие руководителя: учителя его школы должны быть довольны бытом. Степан Артемович благороден: без колебаний он бросился спасать девочку, даже не подумав о себе. Некоторые критики считают этот эпизод излишним.¹² С этим нельзя согласиться: поступок открыл в Хрустове чисто человеческую черту — благородство. Если бы Степан Артемович был подлым, негодным человеком, с ним легче было бы бороться. Хрустова заслуженно уважают, но теперь он мешает, и с ним нужно бороться как можно активнее, ибо своим авторитетом он может подавить любое начинание. Это культ личности в миниатюре со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Тендряков объективно показал, в чем вред таких руководителей. Напрасно некоторые из рецензентов расценивают образ Хрустова как схему или карикатуру. Он переживает трагедию отставшего от времени человека, и читатель не только осуждает его, но и сочувствует ему, как сочувствует Бирюков во время первомайской демонстрации. Школьный директор в отставке, он все-таки стоял и ждал, когда появится трактор и, «быть может, даже волновался за своих питомцев».

Бороться со Степаном Артемовичем трудно еще и потому, что учительского коллектива в школе, собственно, нет, есть

¹¹ В. Тендряков. За бегущим днем, стр. 301—302.

¹² Ю. Суровцев. Три романа в романе. «Литературная газета», 1960, 17 марта.

отдельные, почти ничем не связанные между собой учителя-предметники. Привыкнув во всем повиноваться Степану Артемовичу, полностью полагаясь на его опыт, загарьевские учителя сняли с себя ответственность за общие судьбы школы. Вследствие бездумного подчинения авторитету одного человека появились в среде советского учительства такие, как Акиндин Акиндинович Поярков. Преподаватель географии, «с младенчески розовой лысиной» и «лучистыми безмятежно-голубыми глазами», он трудолюбив, как муравей. Все его чаяния и помыслы, мечты и планы направлены на собственное солидное хозяйство с коровой и свиньей, двумя петухами и несметным количеством несушек. Выйдя за порог школы, он не любит вспоминать о ней. От него и от его супруги так и веет безмятежным самодовольством.

К людям типа Поярковых относится и самый близкий Бирюкову человек — его жена Тоня.

Хорошая хозяйка, заботливая жена и мать, она хотела бы прожить так же, как Альбертина Михайловна Пояркова. Тоня вечно в хозяйственных хлопотах, даже к урокам готовится в промежутке между ними. Особой нужды в этом нет, по хозяйству ей помогает Настасья, но в постоянных заботах о своем гнезде она видит смысл существования. Ни другом, ни тем более соратником мужа она не может стать. Андрей и Тоня — чужие друг другу люди. Рано или поздно они должны были разойтись, и для этого можно было не рисовать Тоню грубой, невыдержанной.

Неспособность Андрея идти на компромиссы и фальшивить в поступках, в чувствах неизбежно должна была привести к его разрыву с Тоней. Бирюкову пришлось расплачиваться за свой отказ от ожидания настоящей любви разлукой с дочерью. Страницы, посвященные Наташе, удивительно хороши своей лирической взволнованностью. Дочь вызывает в Андрее не только нежность, но и тревогу: она воплощает в себе будущее. Может быть, именно она помогла отцу полнее осмыслить значение и радость педагогического труда.

Весь роман, все размышления героев направлены против бездумной успокоенности, проникнуты возросшей требовательностью к человеку. Несмотря на свои недостатки, главный герой романа «За бегущим днем» заставляет читателя думать вместе с собой, спорить, сопереживать, определять свое отношение к жизни, почувствовать свою ответственность перед будущим. Читатель верит в то, что Бирюков станет героем своего времени и когда-нибудь расскажет «о времени и о себе» в той Главной книге, о которой мечтает, по признанию О. Бергольца, каждый писатель и которую ждет читатель от В. Тендрякова. «За бегущим днем» — это подступы к ней.

О глубоком интересе писателя к вопросам становления личности и формирования мировоззрения свидетельствует и повесть

«Чрезвычайное происшествие».¹³ Она связана с «Чудотворной», романом «За бегущим днем» и общностью поставленных проблем, и образом Ващенкова.

В лучшей школе района вдруг обнаружилось верующие (ученица и учитель). В истории Тоси Лубковой и Морщикина Тендряковым более глубоко, чем в повести «Чудотворная», раскрыты причины живучести религиозных предрассудков. В глухом уездном городишке до революции было пятнадцать церквей, построенных купцами-толстосумами, а вокруг в деревнях и починках жило старообрядчество. «После революции замолкли один за другим колокола, позакрывались навечно одни двери церквей за другими, попадали кресты с поржавевших куполов. Как торф после лесного пожара, пока еще тлела религия, где-то в глубине под спудом. Не развороши — почадит и потухнет. Разворошила война».¹⁴ С трудностями Великой Отечественной войны и восстановления разрушенного хозяйства связано оживление религиозных предрассудков. Но, кроме исторических и экономических, религия имеет, как показывает Тендряков, и психологические корни.

Для Тоси бог — это форма Добра и Справедливости, это спасение от одиночества и страха смерти, защита от душевной грубости окружающих. Лубков-отец, со своей категоричностью, с нежеланием разобраться в движениях человеческой души, совершенно не годится в воспитатели. На любой волнующий вопрос она услышала бы от него изложение прописных истин или выговор. Бестактный отец, унылая мать, полностью подчиненная мужу, — с ними нельзя поделиться своими сомнениями, девичьими горестями, а тут тетя Серафима, добрая утешительница, ласково подсовывает бога, опекуна и защитника. И для Тоси, и для Морщикина бог — оправдание пассивности и бескрылости, поэтому Тося так легко расстается с богом, когда находит смысл своего существования в супружеской жизни. Мир приобрел еще одного обывателя.

В доме Лубковых висит на стене репродукция левитановской картины «Над вечным покоем», а под ней на комодe фарфоровый пастушок. Это мирное соседство разных по своей сути вещей свидетельствует об обывательском бездумье. Никто не раскрыл Тосе великого смысла картины, никто не пытался проникнуть в замысел произведения, так как выбор был случайным, ведь «могли подвернуться и лубочные лебеди на канареечном закате». Не случайно Тося в новую, самостоятельную жизнь взяла пастушка как символ мешанского уюта и покоя. Стороной над этим бездумным покоем Тосино существование проходит большая жизнь. Смысл жизни, утверждает картина Левитана, в вечном движении, в беспокойстве. «Тот, кто поймет,

¹³ «Наука и религия», 1961, № 7, 9, 10.

¹⁴ Там же, № 7, стр. 69.

что смысл человеческой жизни заключается в беспокойстве и тревоге, уже перестанет быть обывателем.¹⁵ Тося не поняла этого, и никто не помог ей.

История Тоси заставила директора школы Анатолия Матвеевича Махотина в новом свете увидеть все знакомое и привычное. Оказалось, давая ученикам разнообразные знания, они забыли: «Знания — свет, но не единственный, к чему тянется человек». Оценка заслонила души учеников, стала критерием личности. И получило, что за одаренностью Саши Короткова — холодное, самоуверенное презрение ко всем остальным, убеждение в их неполноценности, за неприметностью Тоси — духовное банкротство. Школа дает знания, но еще мало обращает внимания на воспитание в учениках благородства, гуманного, внимательного отношения к людям, мало учит умению жить с людьми.

Махотин понял, что самое главное — это вырастить коллективистов в полном смысле этого слова. Научить подрастающее поколение не отмахиваться от судьбы каждого отдельного человека, а бороться за нее, как за свою собственную, научить «жить единым человечесим общежитием» — задача очень сложная. Она стоит не только перед школой, но и перед всем обществом. Это одна из задач коммунистического строительства.

Тендряков не дает решения вопросов воспитания, но он намечает в повести Направление, в котором должна вестись работа, тем самым мобилизуя читателя на размышления.

Повесть «Тройка, семерка, туз»¹⁶ разочаровала многих. Тендрякова обвиняли в бескрылом описательстве, в заботе о «биологической правдивости»,¹⁷ в плохом знании простых людей, в отсутствии жизненной и художественной правды, в мрачном пессимизме. Некоторым критикам почему-то кажется, что если в произведении о советской действительности изображена трагическая ситуация без соответствующей светлой концовки с разрешением всех недоразумений, то такое произведение не может быть признано отвечающим современности.

Проблемы, ставящиеся в произведениях советских писателей последних лет, как правило, не исчерпываются событийной стороной, а отличаются идеологической, философской насыщенностью (Л. Леонов «Русский лес», М. Шолохов «Судьба человека», Г. Николаева «Битва в пути» и др.). Это свидетельствует об общей творческой зрелости советской литературы, которая сказалась и в произведениях более молодых авторов.

¹⁵ А. Блок. Искусство и революция. Собр. соч. в 12 томах, т. 8. Л. — М., «Советский писатель», 1936, стр. 63.

¹⁶ В. Тендряков. Тройка, семерка, туз. «Новый мир», 1960, № 3, стр. 3—32.

¹⁷ В. Назаренко. Мастерство и коммунистическое воспитание. О главном критерии. «Звезда», 1960, № 8, стр. 178—179.

В. Тендрякова относят к числу наиболее чутких к новым явлениям действительности писателей. Для него характерен выбор сложных жизненных ситуаций, в которых происходят сдвиги, изменения человеческой личности, ее мировоззрения и психологических особенностей. Именно поэтому Тендряков, не боясь обвинений в «экзотичности», берет для своих произведений необычные случаи и ситуации. Его интересует, как проявляются человеческие качества героев в необычной обстановке.

Далеко, на северной реке, расположился сплавучасток мастера Дубинина. Поселок состоит всего из пяти домов, и живут в нем тридцать два человека. Жизнь однообразная, небогатая событиями. С утра трудная работа, требующая максимального напряжения физических сил, вечером игра в домино или слушание радиопередач. И так из вечера в вечер. По воскресеньям сплавщики расходились по деревням. Гитара висела в красном уголке без дела: в поселке никто не умел играть на ней. Вся жизнь налажена, как хороший механизм. «Сытно, покойно, даже слишком покойно — сон да работа, работа да сон».

При таком однообразии жизни понятен всеобщий интерес к Бушуеву (ведь это человек другого мира), к его песням «о тоске в неволе, о любовных изменах, об убийствах из ревности». Отсутствие каких бы то ни было интересов, помимо работы, неумение занять свой досуг — все это и привело к тому, что сплавщики заинтересовались игрой «в очко», к которой вначале относились как к забаве. Но понемногу к игре стало примешиваться что-то стыдное, позорное. Это было начало нездорового азарта. До этого играли для удовольствия, не задумываясь о проигрышах и смеясь над выигрышами, но когда Бушуев начал все время выигрывать крупные ставки, у сплавщиков появилось смутное ощущение нечестности, и это подозрение нарастало все больше: «Быть не может, чтобы срывает такие выигрыши без жульничества».

Нарастающее подозрение и недоверие почувствовал первым Бушуев (поэтому он и хранил на случай топор под подушкой) и понял, что ему не простят мошенничества. Чужой, случайно спасенный Лешкой, он так и остался посторонним в среде сплавщиков. Ярость Петухова вынудила Бушуева раньше, чем он этого хотел, показать свое истинное лицо хищника, привыкшего искать счастье «за чужой пазухой». В изображении событий Тендряков не погрешил против жизненной правды: в жизни есть Жмакины (Ю. Герман «Один год»), которые возвращаются к честной жизни, но есть и Бушуевы, которые остаются врагами до самой смерти.

Сплавщики не струсил, но слишком неожиданным и быстрым был разворот событий, к которому они были не подготовлены. Только увидев в руках Бушуева топор, они поняли, что это враг, но сознание необходимости его уничтожить еще не пришло.

Ю. Лукин¹⁸ увидел в случае на сплавушке и разложение коллектива, и новоявленного Мефистофеля, и демоническую власть Бушуева, и все потому, что обратил внимание на одну сторону повести, на рассказ об игре, увлекшей на какое-то время сплавщиков. То обвинение советского человека, коллектива, о котором пишет критик, отсутствует в повести.

Хоть Генка Шамаев и бросает в лицо товарищам упрек: «Проиграли в карты человека!», — но сам он и другие сплавщики полны решимости добиться оправдания Дубинина, в невиновности которого они уверены. Возможно, именно с этих событий и начнется другая, более глубокая дружба и связанность сплавщиков между собой, сложится коллектив. Ведь коллектив—это люди, не просто соединенные для выполнения каких-то производственных задач, а связанные общностью интересов, стремлений, для которых, кроме работы, существуют и другие общие радости и печали. Д. Стариков считает, что сплавщики у Тендрякова являются лишь орудиями труда.¹⁹ И хотя в повести есть слова о том, что «население маленького поселка существует для того, чтобы бесконечное шествие леса по реке не останавливалось», мысль о том, что люди живут только для дела, опровергается в повести и размышлениями Дубинина о счастье жить для других, и всей трагической историей, разыгравшейся на сплавушке.

Мастер Дубинин пользуется среди сплавщиков уважением за физическую силу («Любому вязы скрутит...»), за свою заботу о рабочих. Жизнь его, не богатая событиями, вся прошла около реки, которая многому его научила: сичкойной уверенности в себе, уважению к людям труда. Случай с Яшей Сорокиным помог ему преодолеть самый обычный эгоизм, понять, что «поднять упавшего, успокоить отчаявшегося, защитить слабого» — тоже счастье. Поэтому он предлагает Бушуеву остаться на участке, подработать денег, чтобы вернуться в родные места. Дубинин любит своих сплавщиков, заботится, «чтобы работа распределялась равномерно, чтобы в столовой кормили сытно, чтобы расчет за работу был справедливый, чтобы в общежитии было чисто, чтобы простыни менялись каждую неделю»,²⁰ потихоньку от всех помогает уехавшему на учебу Толе Ступнину. В этих конкретных, ежедневных заботах проявляется его любовь к людям.

Саша, как его зовут на сплавушке, любит свой труд, гордится им, верит в его нужность. Для него ценность человека определяется полезностью в деле, и Дубинин часто с гордостью думает о «своих ребятах»: «Трудовой народ, ничего не ска-

¹⁸ Ю. Лукин. Кого обвиняет писатель? «Правда», 1960, 28 марта.

¹⁹ Д. Стариков. Парадоксы Владимира Тендрякова. «Литература и жизнь», 1960, 15 апреля.

²⁰ «Новый мир», 1960, № 3, стр. 10.

жешь». Дубинин умеет жить для людей, чувствует в этом радость, но сам не настолько богат духовно, чтобы вести за собой других. «Книг не приучился читать, не зажигался от них благородными порывами, не открывал для себя высоких идей». ²¹ Неуверенность в себе возникла в связи с Бушуевым. Оказалось, что Дубинин беспомощен перед вопросами, выходящими за пределы работы: не может отвлечь сплавщиков от карт ничем другим. Мастер, он не чувствует себя воспитателем и решает выждать момент, когда можно будет прийти и наложить запрет.

События же разворачивались быстрее, чем предполагал Дубинин. Поединок с Бушуевым оказался смертельным для последнего. Дубинин не отступил и не уступил. Он не чувствует себя виноватым, но ему жаль убитого. Он верит, что все уладится, все выяснится, хотя и обидно подозрение следователя.

В Дубинине подкупают его доброта и мужество, выдержка и честность. За пределами повести осталась борьба сплавщиков за доброе имя своего мастера, но она будет и должна закончиться успешно. Как залог этого звучат слова Генки Шамаева: «Мы землю пробьем, а докажем, что ты не виновен».

Случай с Бушуевым явился суровым испытанием для самого юного сплавщика Лешки Малинкина. Лешка уже полтора года на сплавучастке. Его восхищает мужество и мастерство Ивана Ступнина, Генки Шамаева, Егора Петухова. По вечерам Лешка уходил к дамбе и допоздна учился держаться на бревнах. Конечно, в его возрасте очень многие мечтают стать учеными, испытателями, космонавтами, но Лешка знал обо всем этом понаслышке. И для него пока еще недостижимой мечтой было стать таким, как Саша. Он наивен в житейских вопросах и поэтому неуверен в себе, не подготовлен к жизненным испытаниям. А жизнь оказалась намного сложнее, чем он мог предполагать. Спасенный им Бушуев стал причиной Лешкиных терзаний. Незакаленный, неопытный Лешка испытывает страх перед этим человеком, не смеет ему противоречить и становится невольным соучастником преступления. Мучительно переживает он свое невольное предательство по отношению к Дубинину: деньги, которые могут оправдать мастера, лежат у Лешки в сапогах. Может быть, теперь он поймет, что мало восхищаться человеком, надо уметь и драться за него, а для этого нужно мужество. Лешка научился держаться на бревнах, но ему еще предстоит научиться держаться твердо на большом и честном пути.

«Люди меняются медленнее, чем сама жизнь», и поэтому с такой остротой встают вопросы нравственного воспитания. Все советские люди имеют право на большую, интересную жизнь, тени прошлого не должны заслонять от них яркого света.

²¹ Там же, стр. 9.

нашей действительности, как заслонил на время Бушуев для Лешки свет большой человеческой правды.

Повесть Тендрякова ставит морально-этические проблемы: как должен быть советский человек, чтобы стать достойным своего времени. Дыхание современности, «страстная идейная направленность образной мысли»²² — в борьбе писателя за то, чтобы у каждого выросли крылья большой мечты и больших дерзаний. Тендряков хотел поставить вопрос не о частнособственнических пережитках (об этом уже написана им замечательная повесть «Не ко двору»), а о недопустимости примирения с духовной ограниченностью, о борьбе с духовной спячкой.

Советские люди достойны большого счастья, духовно насыщенной жизни, а не только материального благополучия. Недопустимо, чтобы одни осваивали космос, а другие молились Николе-угоднику, одни создавали электронную технику, а другие играли в «очко». Как сократить, уничтожить расстояние между самыми передовыми и самыми отсталыми (и все же советскими) людьми? Над этим заставляет задуматься повесть «Тройка, семерка, туз».

Повесть «Суд»²³ примыкает к последней своим «уголовным» сюжетом и своим интересом к неожиданным психологическим ситуациям. Главное в ней, как нам кажется, не история случайного убийства на охоте, не мысль о духовном крахе «естественного человека нутряной силы», а решительное осуждение старой психологии, основанной на недоверии к людям.

Почему получилось так, что безупречно честный, храбрый Семен Тетерин отрекся от правды? Почему в нем зародился «микроб страха за себя»?

Критик Д. Николаев²⁴ считает, что на это предательство толкнули Тетерина собственным примером Дудырев, Дитятичев и Донат Боровиков. Но это не совсем так. Причина кроется гораздо глубже: она в психологии Семена. Потомственный медвежатник, по роду своих занятий он обособлен от людей. Эта обособленность в какой-то степени приучила его надеяться только на себя, воспитала в нем черты индивидуализма. Поэтому он так пренебрежителен к Митягину, не считает людей способными на доброе и благородное. «Все спокойны, людская беда как с гуся вода, отряхнутся — сухи и чисты». В раздражении Семена против Дудырева и следователя сказались в какой-то степени отголоски старого недоверия крестьянина к образованным, городским людям («они-то споются»). Не случайно Тетерин противопоставляет себя этим людям, испытывает к ним бессильную ненависть.

²² В. Назаренко, ук. статья. «Звезда», 1960, № 8, стр. 178.

²³ В. Тендряков. Суд. «Новый мир», 1961, № 3, стр. 15—60.

²⁴ Д. Николаев. По какой правде жить?.. «Вопросы литературы», 1961, 10, стр. 79—106.

Недоверие к судебным органам ведет Семена к Дудыреву: зная, каким уважением пользуется в районе и даже в области Дудырев, Тетерин надеется, что всемогущий начальник строительства уладит, утрясет это дело. Разговор с Дудыревым, следователем и Донатом Боровиковым убедил Тетерина в том, что только он, Семен, защищает правду. Чем сильнее была его уверенность в собственной непогрешимости, тем мучительнее сознание своего предательства. Ведь у него отнято даже утешение, что Дудырев и все остальные хуже его. Мучителен суд совести, и судит она Семена не только за отречение от правды, но и за недоверие к людям. «Считал, что все люди плохи, такой, как Дудырев, спасает свою шкуру, не мучится совестью». Эта предельная честность в оценке себя и своих поступков вызывает симпатию к Семену и ставит его на голову выше тех, кто неспособен увидеть свои недостатки (в повести это Тестов, Дитятчев и в какой-то степени Боровиков).

И. Борисова увидела в повести апологию Семена, его благородства. Нам думается, что автор развенчивает индивидуализм Тетерина. Ведь в конечном счете тот думает не о правде, а о себе. Он оправдывается перед парнями из Пожневки, сваливая всю вину на Митягина, озлобляется на весь мир из страха за себя, обвиняет Дудырева в подлости.

Другие рассматривают Тетерина как носителя человечности и доброты. Да, он жалеет убитого, его отца, Митягина, но как мелко выглядит эта жалость в сравнении с настоящей, глубокой человечностью Михайлы Лыскова. Казалось бы, кому, как не ему, можно было озлобиться на людей, повинных в смерти единственного (старшие погибли на фронте) сына. Как человек и глубоко передано его горе! Он почти незаметен в повести. Говорит он очень мало, как бы подтверждая слова А. П. Чехова о том, что «высшим выражением счастья или несчастья является чаще всего безмолвие». В своем безысходном горе он остается рачительным хозяином. Он не хочет, чтобы туша медведя пропала и предлагает Семену телегу. После суда Михайло признает решение справедливым: ведь чужой бедой своего горя не поправишь. Человечность его выражается в вере в людей и справедливость. Он не чувствует себя отъединенным от людей, с которыми ему легче в горе. Скупыми штрихами Тендряков создал психологически убедительный образ человека в горе.

Однако гораздо большему осуждению, чем Семен, подвергаются в повести следователь Дитятчев и прокурор Тестов.

В недоверии Семена к судебным органам сказались, возможно, в какой-то мере репрессии против невинных людей, имевшие место в период культуры личности. О них нет ни слова в повести, но все же они не могли пройти бесследно, заронив в души людей, не способных правильно осмыслить эти события,

недоверие к судебным органам. Отсюда страх Тетерина: «Засудят, и отправляйся на старости лет в тюрьму». Как глубоко должны были проникнуть в сознание, в психику Семена эти настроения, если судейский стол, покрытый алой скатертью и призванный утверждать справедливость, даже знакомую, милую, простую женщину Теплякову делает чужой и равнодушной в глазах медвежатника. Здесь нет перерождения Тепляковой (ведь эта сцена дается в восприятии Семена), и нет исконной мужичьей неприязни к законам, как это кажется критику В. Сурганову. Оправдание Митягина судом под председательством Тепляковой подтверждает это. Человечность и справедливость восторжествовали. И то, что судили Митягина и оправдали именно его, тоже принципиально важно: ведь если бы оправдали Дудырева, Тетерин, Настя Сова и, пожалуй, еще немало людей считали бы, что оправдали большого начальника, и в этом случае вера в справедливость суда не была бы столь радостной.

Образы Дитятичева и Тестова в повести Тендрякова даны как порождение периода культы личности. Дело не в том, что не следовало проявлять бдительность, а в том, чтобы не рассматривать каждого человека как потенциального преступника. Именно эту черту уловил Тетерин в Дитятичеве: «... глаза следователя, серые, неприметные, с помятыми веками, казалось заглядывают сейчас внутрь, ищут в тебе порочное». Первый разговор следователя с Тетериным поражает своей подозрительностью, близостью к шантажу. А инквизиторская фраза прокурора: «Мы еще раз попытаем этого Тетерина!»

Идейным противником Дитятичева выступает Дудырев. Он понял, что Дитятичеву легче признать виновным Митягина, за которого горой не встанут районные и областные руководители. Так спокойнее, но так не должно быть. Дудырев настойчиво доказывает равенство Митягина с собой, он защищает и Тетерина, чувствуя в отступничестве Семена не простую ложь, а следствие более глубоких причин, объяснить которые он не может.

Чужие недостатки помогают иногда и себя оценить по-новому. Так случилось и с Дудыревым, когда он разгадал Дитятичева. Он понял, что сам по отношению к людям поступал подобно следователю. Ведь невнимание к людям — результат стремления жить спокойнее. Дудырев по-своему осознал то, что давно усвоил Балугев: великие задачи времени нельзя решать в отрыве от судьбы каждого отдельного советского человека.

Принципиальная творческая победа Тендрякова сказалась в том, что повесть, решительно осуждая художественными средствами позиции Тетерина и следователя, утверждает доверие к человеку как основной закон наших общественных и человеческих отношений.

Повесть Тендрякова помогает очень конкретно ощутить и осмыслить, что борьба партии за восстановление ленинских норм партийной жизни, за демократизм неразрывно связана с борьбой за коммунизм, за счастье каждого отдельного человека.

Последнее время В. Тендрякова часто упрекали в морализаторстве, в интересе к отдельным «чрезвычайным» случаям, не замечая, что углубление психологических исследований продиктовано временем. «В обществе, строящем коммунизм, внимание к „индивидуальному случаю“ будет возрастать, ибо возрастает внимание к судьбе каждого отдельного человека».²⁵

В. Тендряков и в новой повести «Короткое замыкание»²⁶ обращается к проблемам нравственности и человечности. Здесь, как и во многих других произведениях писателя, «чрезвычайное происшествие» помогает выявить конфликты и противоречия человеческих характеров и времени.

«Короткое замыкание» на одной из «энергетических рек», питавших областной центр, бросило город во тьму, но в то же время осветило характеры героев и их взаимоотношения настолько ярко, что все самое главное выступило отчетливо и неповторимо. Главный диспетчер Василий Васильевич Столярский отступил перед необходимостью принять решение — отключить весь город, чтобы спасти от катастрофы электростанции, испугался ответственности. Предательство Тетерина и нерешительность главного диспетчера вызваны страхом перед осложнениями, нежеланием рисковать своим покоем, и хотя есть объективные причины, в силу которых они не могли поступить иначе, но это ни в коей мере не снимает с них самих ответственности перед судом совести. Тендряков вкладывает в уста Столярского обвинение в адрес Соковина не для того, чтобы оправдать главного диспетчера, а чтобы объяснить причины его несамостоятельности. Перефразируя слова одного из героев очерков В. Овечкина «На переднем крае», можно сказать: «Нерешительными не рождаются, нерешительными делаются». Как Федосий Мургин необходимый характер-спутник Мансурова, так и Столярский — характер-спутник Соковина.

Соковин своей неумемной энергией и силой характера, своей активностью и положением «подминает» под себя не очень дерзкого Василия Васильевича (и не одного его). Иван Капитонович Соковин — человек яркий и незаурядный. «Туземец деревни Лапшевки», он стал всемогущим управляющим энергосистемы, но в нем осталось преклонение перед техникой, ощущение не постигнутой им тайны электричества. «Рядом с тайной всегда живет обожествление», и Соковин, обожествив машину, забыл

²⁵ А. Метченко. Новое в жизни и литературе. «Коммунист», 1962, № 5, стр. 93.

²⁶ В. Тендряков. Короткое замыкание. «Знамя», 1962, № 3, стр. 3—54.

о том, кем она создана и кому призвана служить — о человеке.

Спор Вадима с отцом — это отражение нового и старого отношения к человеку. Вадим свободен от фетишизации техники; «образованность в нем появилась так же естественно, как с возрастом появляется растительность на щеках мужчины». В детстве, в трудные годы войны, он испытал восхищение перед силой и мужеством человеческого духа, воплотившимся в судьбе Саньки Горяева. Любовь Вадима к человеку созвучна с требованием нашего времени: «Все для человека, все для блага человека», но это еще не возмужавшее чувство, так как умение сочувствовать и сопереживать — это только первые шаги активной действенной любви к человеку.

Последняя повесть В. Тендрякова — новый шаг к философски обобщенному осмыслению противоречий и ломки характеров в период перехода к коммунизму.

Прекрасен в повести «энергетический» пейзаж современного города, «по ночам соперничающего со звездным небом»: «... город раскинулся в темноте, обширный, как галактика; несчитанная россыпь звезд и звездочек, туманное скопление светящихся окон... Возле каждого окна — маленький мир. Сливаются окна в искрящееся облако, в Млечный Путь, слиты миры в один гигантский мир — большой город. Плывет в темноте человеческая галактика...»²⁷

Тендряков — художник, создавший удивительные пейзажи среднерусской природы, — раскрывает перед нами новую сторону своего таланта, позитизируя технику, труд энергетиков, город, «жизнедеятельное чудо» XX века. Это, несомненно, творческое завоевание писателя.

Все творчество В. Тендрякова 1958—1962 гг. поднимает общественно важные и острые проблемы, находится на магистральном пути развития советской литературы, на ее переднем крае. Тверчество Тендрякова отличается гражданственностью тематики, страстностью и чутким, верным ощущением задач времени — все это позволяет читателям ждать от него больших и хороших книг о современнике, благодаря которым читатель почувствует «значительность своей жизни, неотделимой от жизни всеобщей».

²⁷ «Знамя», 1962, № 3, стр. 28.